

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Алексея Сергеевича Щавелёва «Языческие политии юго-запада Восточно-Европейской равнины IX – X вв.: механизмы формирования властных и территориальных структур в исторической динамике», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Актуальность

Избранная Алексеем С. Щавелёвым тема исследования обладает несомненной актуальностью, поскольку проблемы политогенеза обществ Западной Евразии вызывают особую остроту в силу природной открытости этого дуального континента для миграционных и колонизационных процессов, поразительной поливариантности и гетерогенности форм потестарной организации формировавшихся там социумов, множественности разнонаправленных траекторий их эволюции, далеких от привычных западной рациональности линейных моделей. Выбор Восточно-Европейской (Русской) равнины IX – X вв., точнее ее юго-западного ареала, в качестве локуса исследования еще более усиливает актуальность, поскольку именно это пространство стало ареной схождения двух ведущих силовых векторов изменений глобального характера, один из которых шел от номадических народов Дальней и Центральной Азии, а другой – от варягов, обитателей Севера; влияние и тех и других определялось не богатством, количеством стад, площадью пастбищ, что было свойственно традиционному западному прагматизму, а скоростью и протяженностью кочевания или плавания, амплитудой и плотностью человеческих перемещений в пространстве. Однако именно благодаря номадам в пределах Старого Света стали закладываться основы первой мир-экономики с сетью магистралей трансконтинентальных коммуникаций, а благодаря варягам наметились перспективы выхода за его

рамки через морские пространства арктических широт. Наконец, хронологическая отграниченность IX – X вв. с еще большей предельностью заостряет актуальность предпринятого исследования, поскольку речь идет о политиях, сложившихся не на монотеистической мировоззренческой основе (иудаизм, христианство, ислам), а на политеистической, природосообразной системе ценностей, придававшей известную паритетность разным проекциям политического воления.

Источниковедческая репрезентативность исследования

Исследование праксиса аккумуляции природных, экономических и социальных ресурсов, а равно маркирования полей политического контроля в домонотеистических политиях болгар, печенегов и русов потребовали максимального расширения возможного источникового фонда. Соискателем привлечены договоры отмеченных политий с Византийской и Священной Римской империями, с понтификами Римской католической церкви, эпистолярный, отразивший общение между ведущими политическими акторами той эпохи, византийские трактаты, по сути, протонаучные труды, вобравшие в себя палеоэтнографическую информацию об этих, не известных прежде народах, нарративные тексты латинского, византийского, славянского и восточного происхождения, представленные историографическими, агиографическими и иными сочинениями.

Договоры выявлены в памятниках протоболгарской эпиграфики, нарративах византийских и латинских авторов; три старославянских перевода византийско-русских договоров 911, 941, 971 гг. были имплантированы в «Повесть временных лет». Важное значение имел акт “Dagome Iudex” 990 – 992 гг., согласно которому земли Польского княжества передавались под покровительство римского понтифика и четко маркировалась граница с Русью.

Из эпистолярия особое значение имели письма константинопольского патриарха Фотия болгарскому царю Борису – Михаилу 866 г., синхронные «Ответы болгарам» римского папы Николая I, письма византийского посла в

Болгарии Льва Хирсфакта 896 – 919 гг. относительно урегулирования византийско-болгарских отношений после очередной войны, послания Константинопольского патриарха Николая I Мистика 912 – 925 гг. по поводу христианского просвещения болгар и алан, письма императора Романа I Лакапина «василевсу болгар» Симеону 925 – 927 гг., эпистолярный архив Хасдая ибн Шапрута 955 – 964 гг., еврейского врача и советника Кордовского халифа Абд ал-Рахмана III, отразивший общение с Хазарией, и др.

Среди трактатов важная роль отводилась «Тактике» византийского императора Льва VI Мудрого, которая получила надежную датировку по «Эпитоме» 903 – 904 гг., «Книге эпарха», составленной протоспафарием и эпархом Филофеем в 912 г., табелю о рангах, или «Клиторологию» атриклия Филофея 899 г., политическому компендию «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного, завершеному в 952 – 959 гг., административному регламенту «О фемах» того же Константина VII 934 г., придворному этикету «О церемониях византийского двора», составленному для Константина и дополненному в правление Никифора II Фоки, возможно, под контролем паракимомена Василия Лакапина в 963 г., и др.

Из исторических нарративов особое внимание уделялось «Хронографии» Феофана (Исаака) Исповедника, составленной в 813 – 816 гг., «Хронике» Симеона Магистра и Логофета, записанной при константинопольском патриархе Николае Хрисоверге в 979 – 991 гг., «Хронике» Псевдо-Симеона, «Хронике» Продолжателя Георгия Амартола, «Хронографии» Продолжателя Феофана конца X в., «Истории» Льва Диякона из Калоз, составленной после 994 г., «Обозрению истории» Иоанна Скилицы, записанному около 1090 г., «Рисале» ибн Фадлана и др.

Из агиографии первостепенное значение приобрели «Жития» Константина (Кирилла) Философа и его брата Мефодия (Михаила), «Сказание о железном кресте», повествовавшее о чудесах Св. Георгия, «Житие Феоктисты Лесбосской», записанное Никитой Магистром в 913 – 920 гг. и

сообщавшее об участии росов-наемников в византийской морской экспедиции 911 г. на остров Крит, и др.

Из прочих нарративов был задействован «Именник болгарских князей», самая ранняя рукопись которого датируется XV в.

При этом каждый из источников рассматривается диссертантом как поликомпозиционный мультитекст, включавший в себя копии, переложения, переводы самых разнообразных документов, тех же договоров, писем, житийных фабул, генеалогических меморатов, географических экскурсов, этнографических наблюдений, которые выявляются на основе текстологического, лингвистического, формулярного и компаративного анализа. Им сделан целый ряд проницательных источниковедческих открытий, в частности, в составе трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного выявлен итинерарий «Γεογραφία ἄλλο Θερσαλονίκης». Ряд источников получили уточненную, убедительно обоснованную датировку, новую идентификацию корреспондентов. К примеру, им выявлен адресат третьего фрагментарно сохранившегося письма Хасдая ибн Шапрута некоей безымянной госпоже в Константинополе, которую диссертант надежно идентифицирует с Анастасией-Феофано, вдовой Романа II Багрянородного (938–963), оно было написано в 963 – 964 гг.; также им определен потенциальный адресат четвертого письма, титулованный по-еврейски «великий мэлэх»; это – император Византии Константин VII Багрянородный, либо его сын Роман II; дается надежная датировка этого послания – 959 – 961 гг.

Соискателем учитываются, по возможности, наиболее ранние рукописи сохранившихся источников, максимально приближенные к IX – X вв., активно воспринимаются все нюансы разночтений, приводятся датировки отдельных составных частей больших компиляций. Так, диссертантом проведен компаративный анализ двух списков «Тактики» византийского императора Льва VI Мудрого, самого раннего Медичейского кодекса середины X в. (Cod. Mediceo-Laurentianus Graec. 55,4), где отсутствовал этноним «рос» и

содержалось только указание на «северных скифов», и Амброзианского кодекса второй половины X в. (Cod. Ambrosianus B119 sup), где указывался народ «рос» как разновидность «северных скифов»; здесь, по наблюдению соискателя, возможно как допущение вставки в более поздней копии, так и механический пропуск в ранней версии; однако грамматически и логически запись позднего копииста выглядит ясней и определенной, поскольку этниконны отчетливо различались по родовым и видовым определителям: сарацины – варвары и северные скифы – росы.

Диссертант осознанно дистанцируется от использования археологических источников, настаивая на демаркации исторической и археологической картин прошлого, потому что историки чересчур доверяют радиоуглеродным / углеродным датировкам археологов, считая их сверхнадежными, а археологи склонны «подгонять» свои относительные интервальные датировки под реперные точки исторических дат, в результате условности, искажения, ошибки множатся, как снежный ком. Впрочем, текст диссертации свидетельствует об основательном знакомстве соискателя с важнейшими открытиями болгарской, печенежской, хазарской, славянской и варяжской археологии.

Историографическая полнота исследования

Соискателем тщательнейшим образом проанализирована обширнейшая историография, охватывающая более 950 исследований предшественников на английском, болгарском, греческом, итальянском, немецком, норвежском, польском, русском, сербском, украинском, французском, хорватском, чешском и шведском языках.

Он активно выходит за пределы существующих концепций «византийского содружества» Дмитрия Д. Оболенского (1918–2001), профессора славянской и балканской истории Оксфордского университета, «контактной зоны» Владимира Д. Королюка (1921–1981), заведующего сектором славяно-германских отношений Института славяноведения и балканистики АН СССР, «степного фронта» Джонатана Шепарда,

профессора русской истории Кембриджского университета, «византийско-хазарского кондоминиума» Сергея Б. Сорочана, заведующего кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Харьковского национального университета, «родового созеренитета Рюриковичей» (*corpus fratrum*) Александра В. Назаренко, руководителя центра истории религии и церкви Института российской истории РАН, «союза независимых правителей» (альянса архонтов) Александра Е. Мусина, ведущего научного сотрудника отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, «русского каганата» Константина Цукермана, профессора византистики Практической школы высших исследований в Париже.

В противовес им диссертантом развивается концепция *динамического лимеса*, сложившегося в IX – X вв. в юго-западном ареале Восточно-Европейской (Русской) равнины, пространства взаимодействия нескольких этнокультурных миров – славянского, номадического (хазарского, печенежского, болгарского, мадьярского), варяжского и византийского. Этот лимес образовывали пересекавшиеся совокупности *изоглосс* (явлений языка), *изопрагм* (особенностей материальной культуры) и *изодокс* (явлений духовной культуры). Им выявляется диалектика мобильности и резидентности складывавшихся в обозначенном регионе общностей в сопоставлении с исторической магистральностью или локальностью в глобальной истории Евразии.

Методология исследования

Весьма основательна и методологическая оснащенность рассматриваемой диссертации. Она вписывается в парадигму пространственного поворота (*Spatial Turn*), наметившегося на рубеже XX – XXI вв. и предполагающего восприятие географических ландшафтов не столько в их физической данности, сколько в аксиологической ипостаси, предполагая выявление глубинных моральных смыслов природных пространств, как дававших жизнь все новым и новым сообществам. На этой основе, действительно, возможен радикальный пересмотр «летописной

этногеографии» Восточной Европы IX – X вв., отразившейся в латиноязычных хрониках, византийской хронографии и церковно-славянской «Повести временных лет».

Заметным инновативным потенциалом обладают также и задействованные в диссертации методы “Mimesis Studies”, некогда разработанные Эрихом Ауэрбахом (1892–1957), профессором истории романских литератур Йельского университета. Как раз понимание мимесиса позволило диссертанту выявить тренды политического транзита Византийской империи на окружающую периферию, когда новые народы Восточной Европы воспринимали византийские формы властвования, политической коммуникации. Сам лимес юго-западного ареала Восточно-Европейской равнины IX – X вв. и каждая из возникавших там политий копировали в уменьшенном масштабе структуру Византийской империи: в нем выделялись – *хартленд* (ядро и ближайшие окрестности), *хинтерленд* (основная территория) и *лимитрофы* (меняющаяся периферия). Помимо византийского политического импорта тот же принцип мимесиса позволил отразить изоморфизм восточно-европейских политий и королевств раннесредневековой Европы.

Новизна исследования и полученных результатов

Прежде всего диссертантом предпринято масштабное обновление терминологического аппарата исследования. Вместо терминов «государство», «раннее государство», «протогосударство», «варварское государство» и иных подобных синонимов, нерелевантность которых в понимании потестарных отношений раннего средневековья становится все более очевидной, предлагается категория «*полития*», референтная историческим источникам изучаемого времени. Под «политией» понимается устойчивое политическое образование, которое отличает наличие единого правителя, правящего рода, монополии на власть, принципа наследования власти, управляющего центра и границ контролируемой территории. При этом, соискателем выделяются «*первичные политии*», то есть формы территориального доминирования,

возникшие самостоятельно за счет эндогенных ресурсов и внутренних трансформаций традиционных потестарных институтов, и «вторичные политии», то есть формы пространственного господства, возникшие за счет внешнего влияния и усвоения политического опыта соседних народов. Различались «централизованные» и «децентрализованные» политии. Еще выделялись «субполитии», то есть подчиненные политии, обязанные уплатой дани, но сохранявшие определенную автономию. Вместо термина «племя», вводящего в заблуждение из-за размыва кровнородственной идентичности и появления дуальной и даже плюральной идентичности, вводится понятие «общность». Различаются «локальные общности», обозначавшие коллективы седentarios, оседлого населения, и «группы совместного кочевания», указывавшие на кочевников. Общности, объединенные родством и генеалогией, называются «линиджами»; причем, если родство велось от реального прауродителя, то это был «род», а если родство велось от воображаемого прауредка, то это был «клан».

Соискатель принципиально отходит от широко распространенных в исторической науке стереотипов восприятия потестарной организации народов раннего средневековья как естественно возникшего политического организма, устойчивого и гомогенного, лидеры и элиты которого были способны к проведению целенаправленной политики, имели долгосрочные стратегические интересы в осуществлении внешней экспансии; он отказывается от привычной оценки позиции имперской администрации Византии как заведомо не заинтересованной в развитии политических систем народов периферии, склонной, как будто, к консервации их отсталости. Реальная ситуация была совершенно иной. Существовало столкновение множества разнонаправленных волей, одни элиты угасали, и их место занимали новые, одни общности усиливались, другие ослабевали, окрепшие сообщества предпринимали различные попытки расширить места своего обитания то в северном, то в южном, то в западном, то в восточном направлениях, где-то они терпели неудачи, где-то им сопутствовал успех; предпринимались и

нетривиальные решения, никак не мотивированные условиями реальной жизни, когда отдельные общности после серии неудач отваживались на смену места обитания. К примеру, мадьяры предприняли несколько безуспешных попыток создать надлокальную политику на разных территориях – в бассейне Нижней Камы, в степях Приазовья, Причерноморья, в Поднепровье (см.: Габор Д. На заре истории мадьярского народа. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2021. 267 с.), удачной стала только последняя попытка конца IX в. после длительного дрейфа на Запад – в Центральной Европе под влиянием транзита политических технологий Священной Римской империи.

По-новому представлено в диссертации видение практик политической коммуникации на северном участке лимеса Византийской империи. У степных и лесостепных народов Западной Евразии, по заключению соискателя, преобладал вторичный политогенез. Формирование социальной стратификации, механизмов доминирования происходило под влиянием извне; воздействие культурного трансфера из Византии ощущалось по заимствованиям техники письма, монетной чеканки, дипломатического этикета, дарообмена, то есть умения делать подарки, принимать и возмещать их. Наряду с естественной спонтанной иррадиацией моделей политического поведения и идеологических инструментов в дипломатической и церемониальной сфере, свойственных Византии, осуществлялась и осознанная политика утверждения византийских институтов политической власти у периферийных народов с неразвитой социальной иерархией.

Совершенно новой видится трактовка формирования и содержания политики Болгарии IX в. Диссертант решительно отклоняет историографические конструкты «Первое болгарское царство», «Болгарское царство», отказывает Аспаруху в номинации «основателя болгарского государства». В действительности, Аспарух возглавлял одну из множества групп тюркоязычных кочевников, обозначавшихся этником «болгары» и прорвавшихся во второй половине VII в. на Дунай. Его род «Дуло» был фикцией, это слово омонимично греческому “ὁ δούλος”, то есть «раб», и

указывает на рабское, зависимое положение болгарских вождей; их сервильный статус демонстрировали и наголо остриженные головы. Вплоть до IX в. болгары на Дунае не имели ни одного из признаков политики. Только когда в 807 – 814 гг. возвысился кан Крум, получивший от императоров Византии титулы архонта-сюбиги, архигоса, протоса, можно говорить о становлении политики Болгарии, заменившей стагнировавшую Хазарию в качестве стратегического партнера Византии, а затем и дезинтегрированные Аварский каганат и Моравию в качестве политики-клиента все той же Византийской империи.

Соискатель справедливо отмечает мифологизацию образа Крума в болгарских источниках. В действительности, он не был ни основателем столицы Болгарии Плиски, ни первым законодателем. Но именно при нем была достигнута централизация земель, заселенных болгарами, аварами, славянами и греками при военно-политическом доминировании болгар и культурно-языковом преобладании славян; при нем установилась монополия на власть, была обеспечена ее передача наследникам.

Упрочение политики Болгарии произошло при сыне Крума Омуртаге, правившем в 815 – 824 / 825 гг. Он имел болгарский титул «кан сюбиги», зафиксированный на золотом медальоне, а также византийский титул «от бога архонт», хотя в то время болгары были еще язычниками и поклонялись Тенгри, богу неба. При нем была основана столица Болгарии Плиска, стала маркироваться граница с помощью пограничных столбов, стали возводиться крепости для ее защиты – Доростол, Мадара и др., был заключен первый долгосрочный договор с Византией в 815 / 816 гг. на 30 лет, отправлено первое посольство к императору Священной Римской империи Людовику I в 824 г. При нем сложилась трехуровневая система контроля над подвластной территорией: первый уровень формировала власть кан-сюбиги, второй уровень образовывали полномочия ичергу и кавхана, глав правой и левой областей Болгарии, третий уровень определяли компетенции пяти стратиггов, носивших византийские имена.

Полития Крумидов просуществовала около 70 лет. Первую династию составили кан Крум, его сын Омуртаг, внук Маламир и правнук. Вторую династию образовали кан Персиан (Пресиан), его сын князь Богорис (Борис), правивший в 852 – 889 гг., принявший христианство в 865 г. Вплоть до X в. болгары продолжали придерживаться номадизма, только зимой проживая в городах, а остальные сезоны года проводя в кочевьях. Общая площадь политики Крумидов ко времени крещения составляла 125 000 км².

Соискателем предложена новая концепция политики Печенегии X в. Он отклоняет традиционную дату появления печенегов в Европе в 889 г. по данным «Хроники» Регинона Прюмского как мифическую. Печенеги, по его заключению, обосновались в Европе в начале X в. Печенегия простиралась от Дона – до Дуная с востока на запад и от крымских Херсона и Боспора – до России с юга на север, занимая площадь 400 000 км². Диссертант отверг конъектуру Дьюлы Моравчика (1892–1972), профессора византистики Будапештского университета, члена Венгерской академии наук, и Ромилли Дженкинса (1907–1969), профессора византистики Лондонского университета, в описании границ Печенегии в трактате «Об управлении империей»: “{μῆτρι} τῆς τε Ῥωσίας”, и дал свое авторское понимание данного пассажа: «Печенегия обладает всей землей России», определив доминантный статус Печенегии по отношению к России.

Печенегия в отличие от Болгарии характеризовалась диссертантом как мультиполития, делившаяся в середине X в. на 8 фем во главе с великими архонтами и 40 областей во главе с архонтами. К концу X в. Печенегия обнаружила тенденции к централизации, к появлению единого лидера. Основанием для такого принципиально нового вывода послужил анализ арабо-персидского географического трактата «Регионы (пределы) мира с востока на запад» 982 г., где приводился титул единого государя печенегов – “mihtar”, то есть «большой», «главный» с ранненовоперсидского языка. Другим серьезным отличием политики печенегов было отсутствие единого центра и вообще городов. В целом, диссертант определил специфический

характер политики Печенегии X в. как «кочевой империи». Однако перспективы ее развития оказались тупиковыми: она пережила деволюцию и депопуляцию под давлением новых волн миграций с востока огузов и кипчаков (половцев, команов), в результате наступления с Севера русов, из-за пандемии, голода и других стихийных бедствий.

Новую эпоху открывает и предложенная диссертантом концепция политики Рюриковичей. Он категорически отказывается от затвердевших историографических штампов «Древняя Русь», «Киевская Русь», «древнерусское государство» применительно к изучению дохристианского прошлого разных этнических групп Днепровского речного бассейна. В действительности, общности Восточно-Европейской равнины были лишены хоть сколько-нибудь заметных признаков государственности, являлись неустойчивыми системами самых различных по природе, характеру и содержанию коммуникаций между племенными, родовыми и клановыми группами, между генеалогическими линиями и тотемными объединениями, между линиями языковой преемственности и иными непрерывно менявшимися формами идентичности.

Ἡ πολιτεία Рюриковичей была одной из множества соперничавших между собой политий в обозначенном регионе, она оказалась наиболее жизнеспособной, сумевшей возвыситься и вытеснить конкурентов. Ее генеалогической преемственности с первой политией русов второй половины IX в., по тщательным изысканиям соискателя, не обнаруживается.

Еще в 860 г. патриарх Фотий характеризовал русов как номадический и акефальный народ, «кочующий и неуправляемый». Только в «Окружном послании» 867 г. Фотий отметил, что часть русов приняла крещение, подчинила окрестности в Поднепровье, вступила в отношения проксении с Византией, налагавшей обязанности оказывать поддержку и гостеприимство византийцам, предоставлять услуги империи, в том числе поставлять воинов для императорской гвардии и армии. Но эта была, по словам диссертанта,

«нулевая фаза» политогенеза, которая закончилась неудачей, не получила закрепления в последующем опыте.

Полития Рюриковичей, согласно фундаментально обоснованным в диссертации выводам, сложилась в Среднем Поднепровье около 900 г. Ее центром выступал Киев / Самватас. Последний ойконим древнескандинавского происхождения указывал на «место встречи лодок». В политию изначально входили субординированные территории «лендзян» (полян), угличей и древлян. Названные славянские племена образовывали субполитии, находились на положении «пактиотов», обязанных платить дань росам, при этом сохраняя самоуправление. Центром полян был тот же Киев. Главным центром угличей выступал город Пересечень, а у древлян – Коростень. Впервые как субъект международных отношений и международного права полития Рюриковичей выступила в византийско-русском договоре 2 сентября 911 г., заключенном византийским императором Львом VI Мудрым, его братом-соправителем Александром, сыном-соправителем Константином VII Багрянородным и князем Киева Олегом.

К середине X в. Рюриковичи аннексировали лимитрофные земли угличей и древлян, лишили их автономии, расширили свое господство на земли дреговичей, вервян, северян и даже кривичей. Маркерами их упрочившегося доминирования стали города дреговичей Клеческ (Клецк) и Случеск (Слуцк), город северян Новгород-Северский и, наконец, Оковский лес кривичей. Новгород на Волхове, по выводам ученого, долго находился за пределами влияния киевских князей.

Во второй половине X в. господство политики Рюриковичей расширялось на Восток. Диссертант убедительно показал, что Святослав не воевал с хазарами на их основной территории и уж тем более не уничтожал Хазарию. Он аннексировал лишь одну пограничную крепость Белую вежу / Саркел, дабы подчинить своей власти вятичей, данников Хазарии. Победы Святослава над ясами-аланами, и касогами, племенами Восточного Причерноморья, интерпретируются в контексте борьбы за Саркел, когда аланы, исповедавшие

то христианство, то иудаизм, и касоги, союзники хазар, подошли на его защиту на стороне Хазарии. Отмечаются контакты росов на Востоке с Черной Болгарией с центром в Суваре и Серебряной Болгарией со столицей в Болгаре.

Опорными хронологическими ориентирами истории политики Рюриковичей выступали, помимо византийско-русского договора 911 г., поход князя Игоря 941 г., поездка княгини Ольги в Константинополь в 946 г., либо 957 г., война князя Святослава с болгарами и византийцами на Балканах 968 – 969 гг., договор князя Святослава с византийским императором Иоанном Цимисхием 971 г. и, наконец, принятие христианства киевским князем Владимиром в 987 г. Общая площадь политики Рюриковичей ко времени крещения достигала 100 000 км².

Серьезным вкладом в изучение политий болгар, печенегов, русов является создание их карт, выделение главных центров политий, центров второго уровня, пограничных крепостей, границ, общей площади.

Научная значимость, степень обоснованности и достоверности выводов

Полученные Алексеем С. Щавелёвым результаты исследования обладают весомой научной значимостью. Они важны для понимания многовариантных путей политогенеза у народов юго-запада Восточно-Европейской равнины IX – X вв., для осмысления исторических перспектив развития номадических и инурбанизированных обществ, векторов мобильности и резидентности в многокомпонентных социумах. Основные выводы видятся убедительно обоснованными и непротиворечивыми.

Апробация результатов

Высокая степень достоверности выводов диссертационного исследования Алексея С. Щавелёва подтверждается их надежной апробацией в докладах на трех наиболее престижных в исторических науках международных конгрессах – антропологических и этнологических исследований (Варшава / Вигры, Польша, 2014), византиноведческих исследований (Белград, Сербия, 2016), славистических исследований (Санкт-

Петербург, 2017), на 30 наиболее авторитетных в области медиевистики международных конференциях, симпозиумах, коллоквиумах и круглых столах в Варшаве, Киеве, Кракове, Лондоне, Праге и др., а также в 72 публикациях, в том числе в двух монографиях общим объемом 57 п.л., в 25 статьях, опубликованных в индексируемых в Web of Sciences и Scopus журналах и в журналах, рекомендованных ВАК.

Автореферат

Автореферат рассматриваемой диссертации Алексея С. Щавелёва в полной мере отражает логику и ключевые идеи диссертационного изложения, соответствует всем общепринятым принципам такого рода публикаций.

Дискуссионные положения

Как всякая глубокая аналитическая работа диссертация Алексея С. Щавелёва стимулирует дальнейшую научную дискуссию. И дабы включиться в нее, хотелось бы отметить некоторые полемические суждения.

Прежде всего, заявляемый в диссертации интердисциплинарный подход выглядит, конечно же, перспективнее «междисциплинарного», «полидисциплинарного» подходов, поскольку вместо все большего дробления дисциплин предусматривает их пересечение, особенно когда речь шла о новых субдисциплинах исторического познания – варварологии, номадологии, викинговедения и некоторых других. И все же декларируемый подход мог бы с большей продуктивностью позиционироваться как «метадисциплинарный», то есть преодолевающий всегда узкие и условные границы отдельных дисциплин и поднимающийся над ними, что позволяет схватывать исторические явления в их тотальности, нерасчленимой цельности.

Далее, достойно уважения стремление соискателя проследить миметическую природу процессов политогенеза народов Восточно-Европейской равнины, ориентированных на высокие стандарты политической культуры Византии. Но тем самым возможности изучения политий болгар, печенегов и русов неизбежно программируются охватом византийского «взгляда на мир», точкой отсчета которого является Константинополь,

купируются перспективы другого видения мира с позиций тех же болгар, печенегов и русов. В конечном счете получается, что неудачные попытки складывания множества локальных политий в юго-западном ареале Русской равнины стали следствием слабой вовлеченности в процессы политического транзита Византийской империи, или даже вообще их закапсулированности в своей самости. И, наоборот, успешный опыт создания политий Крумидов и Рюриковичей оказывается результатом трансфера политических практик Византии.

Затем, дискуссионной представляется общая оценка диссертантом политии печенегов как «кочевой империи». И дело здесь не столько в ее разделении на 8 фем и 40 областей, которое может трактоваться в терминах диссертанта как установление трех уровней контроля над подвластной территорией, сколько в недостаточном уровне централизации, отсутствии общего для империи центра, отсутствии государя с императорскими полномочиями. Все имена печенежских вождей, которыми располагают историки, принадлежат правителям отдельных фем и областей. Здесь невозможно выделить ключевую персону, которая могла бы восприниматься в контексте «имперского проекта» или «имперского эксперимента».

Наконец, гиперкритический взгляд соискателя, кажется, привел к недооценке опыта навигации русов, которые, по его наблюдениям, заимствовали у византийцев и средства плавания, и их техническое оснащение уключинами, веслами, рулями, румпелями, мачтами и парусами. Конечно, суда русов были заметно меньше византийских дромонов и хеландий, внешне больше походили на лодки. Но все-таки конструктивно суда русов были иначе устроены, имели киль и шпангоуты, обладали серьезными преимуществами в мористости, способности плавания не вдоль берега, как у византийцев и латинян, а в открытом море. Их суда были обеспечены не треугольным, латинским парусом, а квадратным, устанавливавшимся поперек судна и позволявшим двигаться против ветра. Преимуществом варяжской навигации

было и использование магнетита, месторождения которого достаточны в Скандинавии, для ориентирования в открытом море по компасу.

Замечания

Наряду с дискуссионными положениями могут быть высказаны отдельные замечания, к счастью немногочисленные.

Прежде всего, касательно дробности Печенегии в трактате «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного, которая делилась на 8 фем и на 40 частей (с. 257-258). Число «40» в данном случае выступало не указанием на 40 родо-территориальных единиц, а просто – на их множество. Это – универсальный троп, встречавшийся повсеместно в домодерновых культурах: 40 номов Древнего Египта, 40 сатрапий Месопотамии, 40 крепостей средневекового Крыма, даже 40 городов дорусской Сибири.

Зачастую автор по инерции, принятой у историков-русистов, использует для обозначения византийского источника «Повести временных лет» название «Хроника» Георгия Амартола, однако, этот византийский хронист жил веком раньше, завершил свой жизненный путь в 872 / 873 гг. В действительности, именем Георгия Амартола подписаны более 30 сохранившихся византийских хроник, основанных на его тексте и содержавших дополнения анонимных хронистов последующего времени. В данном случае речь могла идти только об одном из Продолжателей Георгия Амартола.

Наконец, на карте политики Крумидов (с. 348) отсутствует расшифровка цветных полей.

Вывод

В целом, высказанные дискуссионные суждения и замечания носят частный характер, ни в коей мере не ставят под сомнение основные выводы диссертации Алексея С. Щавелёва, которая выполнена на высоком теоретическом и методологическом уровне, представляет собой концептуально целостное законченное исследование актуальной для современной мировой медиевистики проблемы.

Диссертация Алексея Сергеевича Щавелёва в полной мере соответствует требованиям раздела II, пунктов 9, 10, 11 и 13 Постановления Правительства Российской Федерации № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» от 24.09.2013 г. (редакции от 01.10.2018 г., с изменениями от 26.05.2020 г. и от 20.03.2021), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,
профессор, почетный работник
высшего профессионального
образования Российской Федерации,
профессор кафедры истории и
мировой политики Института
социально-гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»

Александр
Георгиевич Еманов

10.12.2021

адрес:

625003, г. Тюмень,
ул. Володарского, 6,
ТюмГУ, СоцГум

телефон: 8 9044 931617

e-mail: a.g.emanov@utmn.ru

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ:
Ученый секретарь Ученого совета
ТюмГУ
Э.М. Лимонова